

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ОСОБОЕ МНЕНИЕ

МАРК СОЛОНИН

**«УПРЕЖДАЮЩИЙ
УДАР»
СТАЛИНА**

25 ИЮНЯ – ГЛУПОСТЬ ИЛИ АГРЕССИЯ?

**МОСКВА
2017**

УДК 94(47+57) “1941”
ББК 63.3(2)62
С60

Солонин, Марк Семенович.
С60 «Упреждающий удар» Сталина. 25 июня — глупость или агрессия? / Марк Солонин. — Москва : Эксмо, 2017. — 640 с.
ISBN 978-5-04-089857-2

«Война-продолжение» (jatkosota) — так в Финляндии называют 2-ю советско-финскую войну 1941–1944 гг., которая унесла жизни более 100 тысяч красноармейцев и сделала возможной блокаду Ленинграда, но у нас в стране до сих пор остается «неизвестной», «затерянной», «забытой» войной. Совинформбюро не сообщило советским людям ни о ее начале 25 июня 1941 года, когда сталинская авиация нанесла массированный удар по объектам Финляндии, что и послужило поводом к развязыванию войны, ни о ее завершении три долгих кровавых года спустя.

Но эта книга прорвала заговор молчания. Это исследование дает уникальную возможность проверить на практике гипотезу Виктора Суворова — ведь 25 июня 1941-го Красная армия нанесла по финнам «первый удар» в самых благоприятных для себя условиях: заблаговременно отобилизованные войска начали боевые действия в выбранный ими момент, по планам собственного командования, против неприятеля, значительно уступающего в технической оснащенности. Что же показала эта проверка? Каковы были результаты «упреждающего удара» Красной армии? Проанализировав ход боевых действий на финском фронте, эта книга отвечает на главный вопрос советской истории: «А что, если бы летом 41-го Сталин смог опередить Гитлера?»

УДК 94(47+57) “1941”
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-04-089857-2

© Солонин М.С., 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Солонин Марк

**25 июня:
глупость или агрессия?**

Своим приятным долгом автор считает выразить искреннюю благодарность за разностороннюю помощь в работе друзьям и коллегам: Е. Балашову, А. Завальному, Л. Лурье, М. Мельтюхову, Л. Наумову, М. Поваляеву, А. Степанову, С. Тиркельтаубу, А. Хенинену (A. Heninen), М. Шаули.

Значительную роль в создании книги оказала творческая дискуссия и документальные материалы, предоставленные К-Ф. Геустом (C-F. Geust), которому автор выражает глубочайшую признательность.

В книге использованы документы и материалы, собранные в результате многолетнего труда ведущими и составителями интернет-сайтов: «Военная литература» (militera.lib.ru), «Мехкорпуса РККА» (mechcorps.rkka.ru), «Уголок неба» (airwar.ru), «Рабоче-крестьянская Красная Армия» (rkka.ru), «Солдат» (soldat.ru), «Вторая мировая война» (weltkrieg.ru), www.ilpilot.narod.ru, www.eismeerfront.com, www.battlefield.ru, www.depvladimir.narod.ru.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 30-х годов XX столетия Советский Союз жил в ожидании войны — войны неизбежной и скорой.

24 февраля 1939 года, к очередной годовщине создания Красной Армии, главная правительственная газета «Известия» опубликовала большую статью под примечательным названием «Войны справедливые и несправедливые». Вывод, к которому подводили читателя, был предельно прост: любая война, которую поведет Страна Победившего пролетариата, будет справедливой. И вот почему: *«Защищая свою Родину и уничтожая неприятельские войска на той территории, откуда они пришли, Красная Армия помогает поработенным классам свергнуть власть буржуазии, освободиться от капиталистического рабства. Такая война вдвойне и втройне справедлива»*. Заканчивалась же статья такими словами: *«Советский народ знает, что предстоящая война будет весьма напряженной, ожесточенной (никаких сомнений в том, что «война будет», у авторов нет. — М.С.). И он сделает все необходимое, чтобы в союзе со всеми народами, в кратчайший срок и малой кровью положить конец фашистскому варварству, покончить с ним, покончить с тем строем, который порождает несправедливые войны»* (1).

Двумя месяцами позднее, выступая с речью на первомайском параде (День международной солидарности трудящихся отмечался в Советском Союзе военным парадом на Красной площади Москвы), нарком обороны К.Е. Ворошилов заявил дословно следующее: *«Советский народ не только умеет, но и любит воевать!»* (2). После таких слов не приходилось сомневаться в том, что партия Ленина—Сталина в самом ближайшем будущем предоставит советскому народу возможность доказать свою любовь и преданность на поле боя

«весьма напряженной, ожесточенной войны». Вопрос был только в одном — с кого начать? Где, в каких краях Красной Армии предстоит «помочь поработенным классам»?

10 марта 1939 г. в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Выступая с Отчетным докладом ЦК, Сталин заявил о том, что *«новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара, идет уже второй год»* (3). В своей характерной манере Сталин четко и однозначно назвал три «агрессивные» и три «неагрессивные» государства. В первую тройку вошли Германия, Италия, Япония, во вторую — Англия, Франция, США. Делегаты съезда единодушно признали оценки и выводы товарища Сталина единственно верными и даже гениальными. Правда, уже 31 октября все того же злосчастного 1939 года глава советского правительства товарищ Молотов сообщил депутатам Верховного Совета СССР о том, что гениальные выводы радикально изменились: *«За последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны и против заключения мира»* (4).

Переходя непосредственно к теме данного исследования, отметим главное, а именно: Финляндия ни разу не была упомянута — ни в списке агрессоров, ни в перечне коварных «неагрессивных государств». О ней как о возможном военном противнике уже давно забыли. 29 ноября 1938 г. на заседании Военного Совета при НКО СССР товарищ Ворошилов в присутствии товарища Сталина говорил о том, что *«Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они уже у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок»*. Стенограмма заседания констатирует, что эти слова наркома обороны СССР были встречены дружными аплодисментами (5).

Советская пресса также уделяла Финляндии крайне мало внимания. Перелистывая пожелтевшие страницы централь-

ных газет 1939 г., мы обнаруживаем постоянные упоминания о боях в Испании и Китае, о военных приготовлениях Германии, Англии и США, о политических кризисах в Мексике, Румынии и Венгрии. На газетной полосе нашлось место для обсуждения экономического положения Аргентины и Чили, а также для заметки о «фашистских происках в Кении и Танганьике»! Какие-либо упоминания о Финляндии появлялись очень редко, причем (что весьма примечательно!) упоминания эти были по большей части совершенно позитивными: в финском кинотеатре состоялся просмотр советских фильмов, каковые всем собравшимся очень понравились; финская газета, комментируя очередную речь советского лидера, нашла ее мудрой и прозорливой, и тому подобное. В целом позицию советской пропаганды по отношению к Финляндии можно было охарактеризовать словами «позитивное безразличие».

Да, разумеется, в 1935–1937 гг. в общих рамках искоренения «буржуазного национализма», в Советском Союзе (главным образом в Карелии и Ленинградской области) была развернута кампания борьбы с «финским национализмом». Как и во всех подобных случаях, комфортно расположившихся в СССР руководителей компартии Финляндии арестовали и расстреляли как «агентов белофинской разведки», но такова уж тогда была общая практика «работы» органов НКВД со всеми эмигрантскими секциями Коминтерна. В любом случае, антифинская кампания отнюдь не вышла на уровень общесоюзного мероприятия. Примечательно, что в ходе наиболее крупных процессов «Большой чистки» 1937–1938 гг. обреченным предъявлялись обвинения в связях с германскими, японскими, польскими, французскими, латвийскими спецслужбами — но вовсе не с финляндскими!

Беда, как водится, пришла неожиданно. 3 ноября 1939 г. в «Правде» появилась статья, странная по форме и еще более удивительная по содержанию. Пространно и туманно говорилось о том, что Финляндия не желает укреплять дружбу со своим великим восточным соседом, упрямо отвергает ми-

ролюбивые предложения Советского Союза, идет на поводу у каких-то не названных, но всем известных «поджигателей войны». Заканчивалась же статья совершенно истерическим выкриком: *«Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всяческие препятствия на пути к цели».* Нетрудно представить себе то крайнее удивление, которое могли вызвать подобные слова у рядовых советских граждан, большинство которых смутно представляли себе — где вообще находится эта самая Финляндия? Какая «игра»? Что за «картежники»? Куда теперь надо идти, не глядя по сторонам и «ломая все на пути к цели»? И в чем эта «цель»?

Еще через три недели со страниц газет, из черной тарелки репродуктора выплеснулся поток дикой, погромной антифинляндской пропаганды. Иначе как «шутами гороховыми», «политическими шулерами» и «картежниками» руководителей Финляндии уже не называли. В последние предвоенные дни грубая газетная брань, нарастая от «форте» к «фортиссимо», перешла в сплошной истерический рев: *«Проучить зарвавшихся вояк! Горе тем, кто станет на нашем пути! Пора обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ! Смести с лица земли финских авантюристов! Наступила пора уничтожить гнусную козявку, которая осмеливается угрожать Советскому Союзу!»* Лучшие советские поэты в экстренном порядке сочиняли «стихи», например, такие: *«Коль бешеных собак идет стрелять боец, / Ему народ вокруг охотно помогает. / Шуты безумные найдут себе конец, / Сгоревши на костре, который поджигают»/ (40).*

Вторжение в Финляндию было обставлено с небывалой крикливой театральностью — войска переходили границу в походных колоннах, с портретами Сталина и развернутыми знаменами. Восторженное самооболащивание дошло до того, что уже 1 декабря 1939 года, на второй день войны, «Правда» без тени сомнения писала: *«Красная Армия сумеет нанести сокрушительный удар не только финляндской козяв-*

ке, но и тем, за чьей спиной эта козявка прячется!» В той же газете сообщалось, что «браковщица тов. Кукушкина», выступая на заводском митинге, выразила твердую уверенность в том, что «белогвардейскому аду», в котором двадцать лет мучились финские рабочие, пришел конец...

Вот так, в стиле грубого площадного фарса, под визг и улюлюканье продажных писак, под аплодисменты обманутых и запуганных обывателей, начиналась страшная трагедия двух народов.

Запланированная Сталиным «маленькая победоносная война» превратилась в тяжелую, многолетнюю, кровавую бойню. Боевые действия между советской и финской армиями продолжались — с длительными перерывами — с 30 ноября 1939 г. по 5 сентября 1944 г. Без малого пять лет. Подписанный 19 сентября 1944 г. в Москве документ был лишь «Соглашением о перемирии», что же касается мирного договора, формально-юридически завершившего войну между Финляндией и союзными державами (СССР, Великобританией и другими), то он был подписан 10 февраля 1947 г., а ратифицирован Верховным Советом СССР только 29 августа 1947 года.

Наиболее активные боевые действия продолжались в общей сложности не менее восьми месяцев: «зимняя война» (с 30 ноября 39 г. до 13 марта 40 г.), летняя кампания 1941 г. (с начала июля до конца октября), летняя кампания 1944 г. (с 10 июня до середины августа). Масштабы потерь Красной Армии в советско-финляндской войне ужасают. Точные цифры неизвестны по сей день (да и вряд ли смогут быть установлены в дальнейшем). Анализ сведений, приведенных в наиболее авторитетном и «консервативном» (в хорошем смысле этого слова) источнике (9), позволяет утверждать, что безвозвратные потери советских войск — убитые, умершие от ран в госпиталях, погибшие в плену, пропавшие без вести — составили **более 200 тысяч человек.**

Все познается в сравнении. В многолетней войне с Японией (бои у озера Хасан в 1938 г., бои на Халхин-Голе

в 1939 г., Маньчжурская наступательная операция 1945 г.) Красная Армия безвозвратно потеряла 21 тыс. человек (9, стр. 72, 79, 223). Сухопутные войска наших союзников (Англии, Канады, США) в боях за освобождение Западной Европы — от высадки в Нормандии до выхода на Эльбу — потеряли убитыми 156 тыс. человек (11). С другой стороны, германский вермахт в ходе наступления на западном фронте (май — июнь 1940 г.), закончившегося разгромом армий Франции, Бельгии и Голландии, потерял безвозвратно 49 тысяч человек (12). Оккупация Норвегии (апрель — май 1940 г.), в ходе которой немецкие войска разгромили не только малочисленную норвежскую армию, но и экспедиционный корпус союзников, обошлась Германии в 3,7 тысяч погибших и пропавших без вести (65, стр. 134).

К несчастью, людские потери Советского Союза в войне с Финляндией отнюдь не исчерпываются потерями действующей армии. Блокада Ленинграда, унесшая жизни более миллиона человек мирного населения, стала возможна только вследствие поражения Красной Армии в летней кампании 1941 г., когда выход финских войск к Сортавала и Кексгольму (Приозерску) прервал железнодорожное сообщение Ленинграда с «большой землей» в обход северного побережья Ладожского озера. Наконец, кроме поддающихся количественному учету прямых людских и материальных потерь, бессмысленная и беспощадная война с Финляндией нанесла Советскому Союзу косвенный, но от этого отнюдь не менее значимый военно-политический урон. В декабре 1939 г. именно агрессия против Финляндии стала причиной исключения СССР из Лиги Наций, а бомбардировки финских городов советской авиацией привели президента США Рузвельта к принятию решения о распространении на Советский Союз режима так называемого морального эмбарго (запрет на передачу авиационных вооружений и технологий). Все это еще более усилило международную изоляцию СССР, а также создало дополнительные проблемы в советском авиапроме (в особенности — в производстве авиационных моторов, традиционно базировавшемся на

использовании американских технологий), причем происходило это накануне большой войны, накануне тяжелейших испытаний, ожидавших Советский Союз...

Трудно, если не сказать — «невозможно», представить себе американца или канадца, который ничего не знает о том, что армия его страны в годы Второй мировой войны воевала в Западной Европе. Трудно и невозможно представить себе француза или англичанина, не знающего о том, что в 1940 г. Франция была оккупирована вермахтом, а летом 1944 г. освобождена войсками союзников, высадившихся в Нормандии. По числу человеческих жертв советско-финляндская война (как было показано выше) вполне сопоставима с военными кампаниями в Западной Европе, и тем не менее даже среди выпускников исторических факультетов советских университетов трудно найти человека, который сможет назвать хотя бы примерные даты начала и конца этой войны, назвать ее основные этапы и результаты. Что же касается рядовых граждан, не связанных по роду своей деятельности с изучением военной истории, то среди них найти таких «знатоков» практически невозможно. И такая ситуация отнюдь не случайна.

В тоталитарном государстве право изучать и толковать события прошлого является исключительной привилегией правящей верхушки и ее пропагандистской прислуги. Именно поэтому история тоталитарного общества всегда «непредсказуема». Для сталинско-брежневского руководства СССР финская война была тем эпизодом, который им меньше всего хотелось бы вспоминать. Ни в преступных замыслах кремлевских властителей, ни в позорных поражениях Красной Армии нельзя было найти достойный материал для «воспитания трудящихся в духе беззаветной преданности и любви к родной Коммунистической партии». Поэтому приказано было — забыть. Все и забыли.

На протяжении многих десятилетий война с Финляндией была для советского общества «затерянной», «неизвестной» (как сказал Твардовский — «незначимой») войной.

За полвека не было снято ни одного художественного или документального кино- или телефильма, не учреждено ни одной медали для участников финской войны. В тех редчайших случаях, когда в художественной или документальной повести появлялось упоминание о боях на финском фронте в 41—44 годах, солдат противника без лишнего стеснения называли просто — «немецко-фашистские захватчики».

С другой стороны, тоталитарный режим требовал, чтобы в общих рамках «передовой социалистической науки и глубоко партийной культуры» существовала и историческая наука. И хотя конечный вывод всякого исторического исследования был известен заранее — «Советский Союз был прав, потому что он прав всегда», — толстые, часто многотомные, книжки по военной истории писались и издавались. Применительно к освещению событий советско-финляндской войны была выработана, «высочайше» санкционирована и неуклонно соблюдалась **комбинация из следующих трех пунктов.**

Во-первых, говорить об этой войне как можно меньше. Если можно — вообще не упоминать о ней. В доступной широкому кругу читателей литературе возможно краткое обсуждение темы «зимней войны», но никогда не войны 41—44 годов.

Во-вторых, применительно к «зимней войне» называть и трактовать ее как сугубо локальный (по месту и задачам) «вооруженный конфликт на Карельском перешейке». В доступной широкому кругу читателей литературе (в частности, во всех школьных и вузовских учебниках) не допускать даже малейших упоминаний о Секретном протоколе к «пакту Молотова — Риббентропа», о так называемом Народном правительстве Демократической Финляндии и прочих событиях и фактах, раскрывающих реальные намерения сталинского руководства. Путем сокрытия всех значимых документов (следует отметить, что даже центральные газеты 39—40 гг. были изъяты из открытого доступа во всех публичных библиотеках СССР) изобразить широкомасштабную агрессию в виде локальной оборонительной акции.

В-третьих, твердо, категорически, не допуская никакой критики, отвергать всякую связь между первым («зимняя война» 39–40 гг.) и последующими этапами войны. Обще-принятый в западной историографии термин «война-продолжение» объявить зловонным измышлением антисоветских фальсификаторов истории. Боевые действия 1941–1944 гг. называть и трактовать исключительно и только как «участие финской армии в немецко-фашистской агрессии против СССР».

Глубокие общественно-политические перемены, произошедшие в Советском Союзе на рубеже 80–90-х годов, создали качественно новую ситуацию для ученых-историков. Появился доступ к таким источникам документальной информации, о которых раньше не приходилось даже мечтать. Появилась возможность делать собственные, непредвзятые выводы и без оглядки на цензуру делиться этими выводами с научной общественностью. Вспоминая сегодня атмосферу конца 80-х годов, можно сказать, что общество замерло в ожидании глотка долгожданной исторической правды. Оправдались ли эти надежды? На этот вопрос очень трудно дать взвешенный и однозначный ответ.

Если судить по количеству публикаций на военно-исторические темы, то их «бумажный вал» превзошел самые смелые ожидания. Прилавки книжных магазинов сегодня завалены горами исторических исследований, мемуаров, фотоальбомов, сборников документов — и тем не менее каждый месяц российские издательства выбрасывают на рынок по несколько десятков (а то и сотен) новых наименований военно-исторической литературы. Увы, ситуация с качеством и научной добросовестностью тиражируемых книг отнюдь не радужная. Свобода слова и печати, так неожиданно обрушившаяся на Россию, порою выражается в том, что совершенно некомпетентные люди при наличии денег или богатых спонсоров могут наполнять рынок своими графоманскими поделками. Дело дошло до появления такого невероятного жанра, как «документальная фальшивка»: печатаются «фотокопии» примитивно и грубо сфабри-